

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

15 Сентября № 18 1894 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Очерки методики народной школы.

Сост. С. Покровский. Второе изд. Тула, 1894 г.

Новая постановка народной школы, внося перемѣны въ ея направленіе и задачи, сопровождается всегда и новымъ движеніемъ въ литературѣ. Церковная школа, возрожденная въ 1884 году къ бытію на новыхъ твердыхъ началахъ, введенная въ систему государственныхъ школъ, имѣетъ уже и свою спеціальную литературу, главнымъ выразителемъ которой является журналъ „Церковно-приходская школа“. Она получаетъ нерѣдко руководственныя указанія, идущія отъ центральной власти. Но до сихъ поръ она не имѣетъ соотвѣтствующаго новымъ запросамъ школьнаго руководства для учебныхъ заведеній, изъ коихъ выходятъ учителя и учительницы церковно-приходскихъ школъ: для духовныхъ семинарій, епархіальныхъ женскихъ училищъ и др. церковно-учительскихъ школъ. Нуженъ учебникъ, который, принявши все лучшее, что даетъ наша педагогическая литература, былъ бы составленъ соотвѣтственно требованію программъ для церковно-приходскихъ школъ, раскрывая, разъясняя и популяризируя ихъ требованія, и подготовлялъ бы къ тому, чтобы правильно—по духу преподаванія, объему и содержанию обученія—могъ учитель поставить и вести

церковно-приходскую школу. Теперь же спросите учителей церковныхъ школъ: что есть спеціального, особеннаго въ этихъ школахъ, что онѣ должны особенно раскрыть и укрѣпить, ставши въ этомъ случаѣ примѣромъ и образцомъ для школъ другихъ наименованій? И рѣдко, очень рѣдко вы услышите о той комбинаціи предметовъ, объемѣ и характерѣ ихъ преподаванія, которые должны бы составить отличіе и преимущество церковно-приходской школы.— Повидимому, достаточныя указанія для правильной постановки церковно-приходской школы даны программами для сихъ школъ. Но изложенныя въ видѣ общихъ руководственныхъ замѣчаній, онѣ для яснаго пониманія требуютъ не только постояннаго и внимательнаго чтенія ихъ, но и подготовки къ ихъ пониманію: иное въ нихъ можетъ быть истолковано и такъ и иначе, а иное, являясь въ видѣ общаго замѣчанія, оставляется безъ вниманія. Что не только для учителей церковно-приходскихъ школъ и священниковъ, но и для наблюдателей и др. руководителей сихъ школъ, многое въ программахъ не ясно, видно изъ Синодальныхъ разъясненій, представляющихъ примѣры того, какъ иногда неправильно или, вѣрнѣе, несогласно съ цѣлями объяснительныхъ записокъ къ программамъ, онѣ понимаются и толкуются. Ясно отсюда, что учебникъ, написанный спеціально для учителей и руководителей церковно-приходскихъ школъ, въ духѣ и направленіи программъ, для нихъ составленныхъ,—подготавливающій къ тому, чтобы быть учителемъ именно этихъ школъ, подъ руководствомъ надлежащимъ образомъ понимаемыхъ программъ, долженствующихъ служить настольной книгой для каждаго учащаго и руководящаго церковно-приходской школой, чего мы, къ сожалѣнію, пока еще не видимъ,—составляетъ насущную потребность. Появленіе такого учебника заслуживаетъ сочувствія, серьезнаго вниманія

и обстоятельнаго разбора. Необходимо обратить вниманіе учителей и руководителей церковныхъ школъ на такой учебникъ; но важно также предостеречь ихъ отъ ошибокъ, допущенныхъ въ немъ. Серьезный разборъ такого учебника полезенъ и для составителя его, могущаго измѣнить и усовершенствовать свой трудъ въ слѣдующихъ изданіяхъ, и для другихъ педагоговъ, пожелавшихъ составить подобный же учебникъ.

Книга г. С. Покровскаго, какъ *единственный* пока учебникъ методики, имѣющей въ виду учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, составленный въ духѣ и направленіи сихъ школъ, приводящій и комментирующій выдержки изъ объяснительныхъ записокъ, приложенныхъ къ программамъ для церковно-приходскихъ школъ, долженъ обратить на себя вниманіе, привлечь сочувствіе и поддержку. Вызванный случайными обстоятельствами (составленный по программѣ педагогики Тульского женскаго дух. училища) этотъ учебникъ, вслѣдствіе достоинствъ своего содержанія и направленія и соответствія потребностямъ церковно-приходской школы, получаетъ болѣе общее и широкое значеніе. Онъ и въ первомъ своемъ изданіи заслужилъ вниманіе и быстро разошелся, тѣмъ болѣе заслуживаетъ его теперь (во второмъ изданіи, дополненномъ и нѣсколько исправленномъ) со стороны тѣхъ, кто призванъ учить и руководить церковно-приходскими школами. А если будутъ внесены въ этотъ учебникъ дальнѣйшія улучшенія и дополненія—онъ получитъ полное право стать оффиціально признаннымъ руководствомъ духовно-учебныхъ заведеній ¹⁾ и быть рекомендо-

¹⁾ Программа методики въ духовныхъ семинаріяхъ, послѣ открытія церковно-приходскихъ школъ и изданія для нихъ программъ съ объяснительными записками, должна быть значительно измѣнена—въ иномъ сокращена, въ другомъ дополнена.

ваннѣмъ вниманію учителей церковныхъ школъ. Написанный кратко и, сравнительно съ другими подобными учебниками, большею частью достаточно ясно, представляющій правильную группировку и расположеніе матеріала школьныхъ предметовъ, онъ стоитъ на правильномъ пути къ дальнѣйшему усовершенствованію. Его достоинства обязываютъ указать, по возможности, всѣ его недостатки, чтобы помочь ему освободиться отъ нихъ на будущее время,—что я и намѣренъ сдѣлать, руководясь не только собственнымъ взглядомъ, но и опытомъ его практическаго примѣненія (я его употреблялъ въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ—въ одномъ—какъ учебникъ, въ другомъ—какъ пособіе, наряду съ книгой В. Тихомирова).

Самый неудачный отдѣлъ въ книгѣ г. Покровскаго составленный неотчетливо и даже противорѣчиво, мало дающій положительныхъ выводовъ,—это методика по обученію Закону Божию. Этотъ отдѣлъ нуждается въ переработкѣ при свѣтѣ новыхъ Синодальныхъ разъясненій по этому вопросу.

На 6-й страницѣ читаемъ: „цѣль преподаванія Закона Божія въ школахъ *вообще* (?) можетъ быть (?) двойкая“. Эта неопредѣленность взгляда ведетъ и къ дальнѣйшимъ неясностямъ: „не должно поставлять цѣлью обученія Закону Божию только сообщеніе свѣдѣній изъ области религіи, это—*лишь средство*“. Выходитъ, слѣд., что цѣль преподаванія Закона Божія—одна. Но непосредственно за вышеприведенными изъ учебника словами снова говорится: „главною же цѣлью религіознаго обученія въ начальныхъ школахъ“... И снова является различіе двухъ цѣлей! Цѣль преподаванія Закона Божія въ школахъ одна (ее можно выразить словами автора методики, но объединивши то, что онъ раздѣляетъ): „сообщая ученику ясныя и точныя религіозныя свѣдѣнія, *черезъ* сообщеніе этихъ свѣдѣній пробудить, развить и под-

держатъ въ воспитанникѣхъ религіозныя чувства и убѣжденія“. При такомъ рѣшеніи вопроса обученіе религіозное явится лишь средствомъ, цѣлью же—религіозно-нравственное развитіе въ духѣ и единеніи съ православною церковью. Ясно и опредѣленно сознавать цѣль преподаванія предмета весьма важно: колебанія и неопредѣленность въ опредѣленіи цѣли поведутъ къ колебанію въ выборѣ средствъ, второстепенное при этомъ можетъ выступить на первый планъ, о главномъ можно забыть. Такъ и бываетъ въ тѣхъ школахъ, гдѣ цѣлью преподаванія Закона Божія ставятъ сообщеніе знаній, гдѣ изъ-за обученія забываютъ о воспитаніи. Вся постановка дѣла въ такихъ случаяхъ бывала схоластичною и бесплодною, давалась работа памяти, отчасти разсудку, чувства же и воля оставались внѣ вліянія Закона Божія.— Отдѣлъ объ изученіи молитвъ предваряется такою рубрикою: „почему обученіе Закону Божию *начинается съ молитвъ* и можно ли отступать отъ этого порядка (стр. 7). Далѣе разъясняется, почему такъ должно быть. Но непосредственно затѣмъ говорится, что прекрасная постановка этого дѣла дается программами: „онѣ начинаютъ обученіе Закону Божию съ *священной исторіи*“. Спрашивается: соответствует ли оглавленіе отдѣла его содержанію и получаютъ ли читатели методики ясное, опредѣленное и положительное знаніе о предметѣ?... На 8 страницѣ приводятся слова программъ: „изученіе молитвъ представляетъ начало *второй* наиболѣе практической части законоученія“. А на 9 стр. читаемъ: „*переходъ отъ первыхъ бесѣдъ* съ учениками *къ изученію* собственно *молитвъ* можетъ быть такой“... Что же изучается тотчасъ послѣ предварительныхъ бесѣдъ—молитвы или Св. исторія? На 13 стр. сказано: „самое заучиваніе молитвъ производится *различно*“ и даются краткія замѣчанія о способахъ изученія молитвъ (о томъ, какъ онѣ

„могутъ быть изучаемы“). Но какой же способъ лучше? Какого преимущественно слѣдуетъ держаться? Или, быть можетъ, и тотъ, и другой, и третій одинаково хороши. Нужно давать въ учебникѣ положительное знаніе, могущее служить руководствомъ для учителя школы, а не перечень существующихъ способовъ преподаванія ¹⁾. На стр. 20 читаемъ: „за Св. Исторіей (или за молитвами, какъ въ церковно-приходской школѣ) слѣдуетъ катихизисъ. Изъ этого замѣчанія г. Покровскаго какъ будто выходитъ, что порядокъ изученія отдѣловъ Закона Божія, принятый въ свѣтскихъ школахъ, онъ склоненъ считать лучшимъ. Авторъ учебника долженъ давать одинъ опредѣленный взглядъ, что и какъ изучать, ибо учителю нужно же держаться одного опредѣленнаго взгляда и осуществлять его; если же учебникъ назначенъ для извѣстнаго опредѣленнаго типа школъ, — онъ долженъ быть согласованъ съ законоположеніями, изданными для этихъ школъ. Почему же способъ, предлагаемый программами для церковно-приходскихъ школъ, нужно признать правильнымъ, достаточно ясно изложено въ послѣднемъ синодальномъ опредѣленіи по вопросу о преподаваніи Закона Божія. Тамъ же г. Покровскій найдетъ почти весь нужный ему матеріалъ для переработки и болѣе яснаго, послѣдовательнаго и содержательнаго изложенія своей методики Закона Божія. Особенно-же много данныхъ онъ найдетъ тамъ для переработки самой неудачной части его методики по этому предмету — объ изученіи молитвъ.

Существенное отличіе церковно-приходскихъ школъ отъ школъ всѣхъ другихъ типовъ и наименованій опредѣляется

¹⁾ Нельзя согласиться и съ тѣмъ, что школы полагаютъ въ дѣтяхъ „сѣмена религіозности“. Вопреки ученію эволюціонистовъ, должно признать, что религіозное чувство врождено, сѣмя въ душѣ дитяти есть: его не вложить нужно, а развить и укрѣпить.

преимущественно *центральнымъ положеніемъ* Закона Божія въ ряду всѣхъ другихъ предметовъ и даже въ способѣ преподаванія, и даже въ содержаніи, обусловленныхъ въ своемъ положеніи отношеніемъ къ Закону Божию, степенью близости или отдаленностью отъ него (исключеніе составляетъ только обученіе счету, не имѣющее внутренней связи съ Закономъ Божиимъ). Даже организація школы и порядки въ ней въ значительной степени опредѣляются центральнымъ положеніемъ Закона Божія въ ряду школьныхъ предметовъ. Понятно, что при такомъ положеніи Закона Божія, когда ему служатъ не только другіе школьные предметы, но и вся постановка школы, способы его изученія измѣняются и облегчаются сравнительно съ тѣмъ, что представляютъ школы другихъ типовъ (и понятно, что эти послѣднія должны учиться у первой, а не наоборотъ, и должны слѣдить за тѣмъ, какъ смотритъ на постановку этого важнѣйшаго предмета Св. Синодъ и существующій при немъ Училищный Совѣтъ). Мыслима ли, напр., такая постановка изученія молитвъ въ школѣ другаго типа, какъ въ школѣ церковной, гдѣ она основана на томъ, что утромъ и вечеромъ совершается общая молитва, — состоящая въ чтеніи и пѣніи молитвословій утреннихъ и вечернихъ, указанныхъ въ учебномъ Часословѣ, подъ руководствомъ учителя и законоучителя, съ разъясненіемъ, какъ читать молитвы и какъ должно молиться, съ усвоеніемъ текста молитвъ *путемъ упражненія въ молитвѣ*, подобно тому, какъ матери, молясь сами, научаютъ и пріучаютъ и дѣтей молиться? А при такой постановкѣ измѣняется не только характеръ ихъ ученія, но и время изученія, — что и разъяснено недавно Высшею Властью. Для такого преподаванія Закона Божія въ школахъ другихъ наименованій, нужно измѣнить постановку и положеніе большинства предметовъ, нужно, сверхъ того, завести

новые порядки въ школъ, — словомъ — дать ей новый строй, новую постановку. Мало этого: чтобы исполнялась не форма только, но воплощался бы и духъ церковности и благочестія, важны мировоззрѣніе учителя и законоучителя, — а такъ какъ убѣжденія опредѣляютъ жизнь, то необходимо, чтобы и жизнь ихъ была воплощеніемъ церковности. Не ясно ли отсюда, что преподаваніе Закона Божія въ церковно-приходской школъ нужно разсматривать въ связи съ общою постановкою школы, чѣмъ опредѣляется и ея характеръ и особенности, чѣмъ обуславливаются требованія отъ лицъ, вѣдающихъ его. — Стремленіе соединить способы, взятые изъ методикъ, написанныхъ для свѣтскихъ школъ, съ указаніями программъ для церковно-приходскихъ школъ ведетъ ко многимъ ошибкамъ. Нельзя также признать состоятельнымъ уравненіе различныхъ способовъ преподаванія Закона Божія, какъ одинаково достойныхъ вниманія. Желающему составить методику для церковно-приходскихъ школъ нужно прежде всего совершенно освободиться отъ вліянія господствующихъ теперь методикъ, а потомъ необходимо принять во вниманіе общій строй и задачи церковно-приходской школы, перечитать, усвоить и взвѣсить всѣ указанія, данныя программами и разъясненіями къ нимъ относительно преподаванія Закона Божія. Тогда только онъ дастъ методику этого предмета ясную, точную, послѣдовательную, представляющую не соединеніе разнорѣчивыхъ элементовъ, а одно органически стройное цѣлое.

На 38 стр. г. Покровскій ставитъ на защиту буквеннаго способа, подчиняясь вліянію нѣкоторыхъ представителей этого приѣма въ настоящее время. Сказавши о томъ, что при нѣкоторыхъ улучшеніяхъ этого метода имъ можно съ успѣхомъ пользоваться, онъ продолжаетъ: „буквенный способъ представляетъ *развѣ только* одно затрудненіе — соче-

товать между собою буквы для чтенія слоговъ и цѣлыхъ словъ. Но развѣ этого затрудненія не существуетъ даже и въ звуковомъ методѣ? Пусть опытный учитель скажетъ добросовѣстно: „что труднѣе для ученія—сочетать ли *ме* съ *а* или *м* съ *а*“? Несомнѣнно, что второе легче. Къ этому приводятъ даже тѣ возраженія противъ буквеннаго и слогового способовъ обученія грамотѣ, какія самъ г. Покровский приводитъ. Да онъ и самъ доказываетъ, что звуковой методъ выше всѣхъ остальныхъ. Далѣе. Почему же о буквенномъ способѣ онъ, склонный рекомендовать его, говоритъ такъ мало, и подробно—о звуковомъ? Какой методъ лучше, о томъ и нужно говорить подробно, чтобы научить примѣнять его къ дѣлу. Если же онъ выработалъ нѣчто свое, то и нужно было дать его, т. е. нужно научить обучать грамотѣ *по лучшему* и опредѣленному способу. Наконецъ, необходимо замѣтить и то, что какъ буквенный, такъ и слоговой методъ могутъ разсматриваться объективно, ибо ни тотъ ни другой не стоитъ въ противорѣчii съ задачами и цѣлями русской народной жизни и кто какъ можетъ учить, такъ и долженъ, ибо самъ по себѣ методъ имѣетъ значеніе объективное, общечеловѣческое. И почему звуковой методъ, при его улучшеніи и освобожденіи отъ всякой искусственности, не можетъ существовать и въ церковной школѣ, подобно тому, какъ и въ земской? Да и программы для церковно-приходской школы даютъ право обучать чтенію или „по буквослагательному способу, или по способу звуковому“, а объяснительная записка по русскому языку рекомендуетъ начинать обученіе грамотѣ „разложеніемъ предложеній на слова“, и далѣе для укрѣпленія знаній указываетъ „составленіе словъ и предложеній изъ подвижныхъ буквъ“. Эти и другія нововведенія, сравнительно съ старинными русскими способами обученія грамотѣ, не дѣлаютъ церковную школу

не церковной. Но другое дѣло взгляды г. Покровскаго на то, какой предметъ долженъ быть центральнымъ въ церковной школѣ: если его принять, то церковная школа теряетъ свой существенный и отличительный признакъ. Объ этомъ необходимо сказать нѣсколько словъ, чтобы опредѣлить и всегда помнить (что для дѣла весьма важно) коренную особенность школы церковной, все собою опредѣляющую.

Школа церковная построена на основѣ вѣры въ Бога и безсмертіе души. Эта жизнь кратковременна, за гробомъ — вѣчность. Къ ней и нужно готовиться. Но готовясь къ той жизни, гдѣ человѣкъ соберетъ плоды, посѣянные здѣсь, гдѣ индивидуальная жизнь идетъ въ направленіи данномъ на землѣ, онъ долженъ развить свой умъ, а главное — чувства и волю: приготовляясь стать достойнымъ сыномъ неба, онъ долженъ прежде стать достойнымъ сыномъ православной церкви, отечества и семьи, — одно безъ другого не мыслимо. Путь такого приготовленія — поучаться въ Законѣ Божиѣмъ, сдѣлавши его правиломъ всей своей жизни. Отсюда и вытекаетъ, что Законъ Божій долженъ быть основнымъ предметомъ начальной школы, долженъ все опредѣлять и обусловливать собою. Эрнестъ Навиль въ своемъ письмѣ къ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ справедливо говоритъ: „школа, въ которой преподаваніе Закона Божія будетъ ограничиваться однимъ только урокомъ и стоять внѣ связи съ прочими уроками, дастъ, по всей вѣроятности, плохіе результаты. Если у религіи будетъ только свой опредѣленный часъ въ школѣ, то ученикъ будетъ смотрѣть на нее, какъ на предметъ одинаковый съ прочими предметами, тогда какъ она одна должна быть закваской, которая подымаетъ все тѣсто“¹⁾. Вотъ почему нельзя согласиться съ г. Покров-

1) Дальше встрѣчаемъ слѣдующія знаменательныя слова: „слѣдуетъ предоставить свѣтскимъ школамъ формироваться рядомъ съ

скимъ, который высказываетъ слѣдующія положенія, составляющія **profession de foi** свѣтскихъ начальныхъ школъ: книга для чтенія „должна составить *основаніе и средоточіе* всего обученія школы, служа естественнымъ восполненіемъ элементарнаго *курса* школы съ тѣхъ сторонъ, которыя непосредственно не входятъ въ программу этого курса“ (стр. 53, прим.). Тутъ книга для чтенія трактуется, какъ энциклопедія знаній, каковою она нерѣдко и являлась до послѣдняго времени въ школѣ свѣтской. Но не таково должно быть ея значеніе въ школѣ церковной, гдѣ „основаніе и средоточіе всего обученія“—Законъ Божій. Предостереженіемъ отъ вышеизложеннаго взгляда на книгу для чтенія должны служить слова объяснительной записки къ программѣ преподаванія русскаго языка въ церковно-приходскихъ школахъ: „при преподаваніи русскаго языка въ церковно-приходскихъ школахъ необходимо обращать *исключительное* вниманіе на изученіе языка, а не задаваться побочными цѣлями, напримѣръ, сообщеніемъ учащимся разнообразныхъ свѣдѣній изъ окружающаго міра“. Впрочемъ г. Покровскій самъ себя опровергаетъ, указывая дальше лишь слѣдующее содержаніе книги для чтенія: въ нее должны входить „статьи содержанія религіозно-нравственнаго, статьи патріотическія и вообще статьи характера національно-бытоваго и статьи историко-географическія“. Но всѣ эти предметы служатъ не „восполненіемъ элементарнаго курса“ съ новыхъ для программы сторонъ, а лишь раскрытіемъ уроковъ Закона Божія въ примѣненіи къ земной жизни, какъ пути къ царствію небесному, какъ аренѣ для укрѣпленія и развитія религіозно-нравственныхъ чувствъ. Даже географія въ церковными. *Соревнованіе приведетъ духовенство къ лучшему обученію, а свѣтскихъ учителей къ большей внимательности по отношенію къ религіозному развитію своихъ учениковъ*. Смори по этому вопросу нашу статью въ «Екатер. Енарх. Вѣд.» за 1886 г.

ковной школѣ трактуется съ этой точки зрѣнія, ибо она должна, по объясненію программъ, преподаваться—на сколько она „необходима для пониманія главныхъ событій общей церковной исторіи и исторіи Россіи“, а послѣдняя поставлена программами въ тѣсную органическую связь съ исторіей православной церкви.

И можно и должно пользоваться методами и приѣмами иноземными, прошедшими нашу свѣтскую школу, но въ мѣру ихъ соотвѣтствія цѣлямъ и задачамъ церковно-приходской школы, соотвѣтственно условіямъ ея постановки и потребностямъ русской народной жизни и всѣ приемы и методы должны быть въ гармоніи между собой. Духъ и направленіе школы опредѣляетъ собою ея постановку и организацію и всѣ подробности ея жизни: внѣшняя сторона опредѣляется внутренней, формальная — матеріальной, приемы — цѣлью. Между тѣмъ и другимъ — тѣсная внутренняя связь. Тѣ предметы школьнаго курса церковно-приходской школы по своей постановкѣ, способу и приѣмамъ ихъ сообщенія рѣзко отличаются отъ постановки ихъ въ школѣ иного типа, которыя также отличаются и по цѣли своей и по задачамъ. Вотъ почему, желая воспользоваться приѣмами и методами преподаванія, перенесенными къ намъ съ Запада, выработанными тамъ вѣками и *цѣлесообразными въ при-
мѣненіи къ известной цѣли*, известнымъ задачамъ жизни, нужно предварительно подумать о томъ, тѣмъ ли цѣлямъ и у насъ они будутъ служить и тѣ ли задачи осуществлять: разъ — не тѣмъ, они не годятся для насъ, или же нужно ихъ значительно измѣнить и приспособить къ новымъ цѣлямъ — ибо если бы они вполнѣ были цѣлесообразны на Западѣ, то *именно поэтому* они не цѣлесообразны и не принесутъ пользы у насъ. И такъ, матеріальная и формальная сторона предмета, методы и цѣли преподаванія обуслови-

вають другъ друга и должны быть въ соотвѣтствіи, гармоніи. Какъ душа проникаетъ собою организмъ, такъ духъ, направленіе и цѣль обученія опредѣляютъ его методы и приемы. Поэтому то извѣ осторожно нужно заимствовать способы и приемы обученія и тѣмъ осторожнѣе, чѣмъ предметъ самостоятельнѣе по цѣли,—но и чуждаться ихъ не слѣдуетъ, если они полезны и не въ противорѣчій съ условіями жизни и задачами школы. Только зная, для какой цѣли работаешь, чего желаешь достигнуть, можно будетъ умѣло и съ пользою пользоваться ими. Забвеніе этой истины отражается больше всего на такомъ предметѣ, какъ Законъ Божій, а потомъ—на церковномъ пѣніи и славянскомъ чтеніи; сравнительно меньше на обученіи грамотѣ и еще меньше на обученіи счету (хотя церковная школа и тутъ должна заботиться о лучшихъ способахъ обученія, особенно если и въ цѣляхъ окажется нѣкоторая разница). Но съ другой стороны излишняя осторожность, не обусловленная существомъ дѣла, ведетъ къ удержанію того, что можетъ быть замѣнено лучшимъ.

Невниманіе къ особенностямъ русской народной школы приводило многихъ составителей учебниковъ (и даже программъ) еще къ одной ошибкѣ, которая оказывается и въ книгѣ г. Покровскаго. вмѣсто того, чтобы просто и достаточно обстоятельно изложить опредѣленный и лучший способъ преподаванія того или другого предмета, дается „историческій очеркъ методики преподаванія“: говорится о Песталоцци, Дистервегѣ, Грубе, Стефани, Гразерѣ, Любенѣ и пр. и пр. Дѣлаются критическія замѣчанія объ ихъ взглядахъ, устанавливается генеалогія метода, а въ заключеніе, часто и не полно и отвлеченно, излагается въ видѣ вывода изъ историческаго очерка—то, какъ нужно вести занятія, при чемъ предполагается, что педагогическое и неясное учитель извлечетъ и пойметъ изъ историческихъ очерковъ.

Въ результатѣ изучившій учебникъ знаетъ много именъ, особенно нѣмецкихъ, но какъ приняться за дѣло обученія, заняться по извѣстному опредѣленному плану, если онъ не обратится къ книгамъ, изданнымъ не для школы, а для жизни, онъ не знаетъ. Не лучше ли такъ изложить въ учебникѣ способы преподаванія, чтобы узнавшій ихъ могъ заниматься въ школѣ на первыхъ порахъ и безъ другихъ методическихъ пособій, зналъ бы, что и какъ нужно дѣлать, а всѣ историческія справки и имена, какъ не главное и не существенное оставить для знакомства съ нимъ на досугъ? Чѣмъ-то искусственнымъ и отъ жизни далекимъ отзывается вся эта номенклатура именъ, чуждая для нашего русскаго народнаго учителя, особенно же учителя школы церковной, построенной на началахъ русской народности, которыя мы не отъ нѣмцевъ беремъ и не изъ ихъ исторіи должны выводить. — Въ дальнѣйшихъ изданіяхъ учебника г. Покровскаго историческій элементъ, — изложенный, впрочемъ, болѣе удачно и кратче, чѣмъ во многихъ другихъ учебникахъ, — долженъ болѣе и болѣе сокращаться (и совсѣмъ безъ него можетъ обойтись первоначальный учебникъ по педагогикѣ); а то, что важно для самаго дѣла — ясное, обстоятельное, иллюстрированное примѣрами изложеніе того, какъ вести занятія въ церковно-приходской школѣ и какъ осуществить всѣ предъявленныя къ ней требованія, должно выступить на первый планъ. Исторія педагогики имѣетъ свое значеніе; но ей не мѣсто въ элементарномъ учебникѣ для начинающихъ изученіе педагогики. Особенно же нехстати подобная исторія въ учебникѣ для учителей церковныхъ школъ, для которыхъ она большею частью имѣетъ отрицательное значеніе и представляетъ именно то, чего дѣлать не нужно. Учебникъ — не исторія науки: онъ долженъ быть выраженіемъ одной опредѣленной мысли, опредѣленнаго опыта,

опредѣленнаго знанія, долженъ носить единство, цѣлостность воззрѣнїя, ясность и опредѣленность въ требованїяхъ отъ школьнаго дѣла. Обычно же школьные учебники по педагогикѣ только сборники отрывковъ, взятыхъ отовсюду и плохо объединенныхъ, иногда даже противорѣчивыхъ. Быть можетъ этому способствовало и то, что преподаваніе педагогики поручалось тѣмъ лицамъ, для которыхъ она была случайнымъ и побочнымъ занятіемъ при другомъ специальномъ предметѣ, и собственный ихъ опытъ въ начальномъ обученїи былъ весьма незначителенъ. Образцы того, какъ писать учебники,—но только въ новомъ направленїи, согласно съ духомъ церковной школы и требованїями программъ для церковно-приходскихъ школъ,—представили бар. Корфъ, Д. Тихомировъ и др., не только передумавшіе, но и на дѣлѣ испытавшіе то, о чемъ пишутъ, знавшіе, чего они хотѣли отъ школы; и умѣвшіе передавать „свои мысли своимъ языкомъ“.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Г. Соколовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ

ИВАНА КАРПОВИЧА ШКИТКО

(двѣ серебряныя медали).

Принимаются къ исполненію слѣдующія работы: написанія св. иконъ, отдѣлка церквей (окраска и живопись) и возобновленіе и устройство въ нихъ иконостасовъ.

Работы исполняются добросовѣстно и аккуратно.

Мастерская помѣщается въ г. РОСТОВѢ на Дону, по Базанской ул., вблизи новаго базара, д. № 83, собств.

ИКОНОСТАСНАЯ МАСТЕРСКАЯ

ЖИВОПИСЦА

М А С Ю Т И Н А.

Принимаются заказы на все церковныя работы, какъ-то: образа для иконостасовъ съ живописными и золоченными фонами, реставрація старыхъ иконъ, расписаніе церквей священноисторическою живописью, устройство новыхъ иконостасовъ и перозолотку старыхъ, позолота главъ, крестовъ и проч.

Все заказы исполняются прочно, аккуратно и по умѣреннымъ цѣнамъ, иконы исполняются въ строгомъ византійскомъ стилѣ, вполне согласно правиламъ, нашей православной Церкви принятымъ.

Прошу обращаться съ заказами по слѣдующему адресу: въ г. Екатеринославъ, Троицкая ул. домъ Погуляева, живописцу Владимиру Родіоносичу Масютину.

ИКОНОСТАСНОЕ

И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

ИВАНА ЕФИМОВИЧА

ГЕТМАНА.

Принимаю по новѣйшимъ рисункамъ иконостасныя и кіотныя работы, украшеніе храмовъ анфрейной росписью, писаніе св. иконъ въ греческомъ и византійскомъ стилѣ съ золотыми и пр. фонами и подъ чеканку.

Мастерская находится въ сл. Томаровкѣ, Бѣлгородскаго уѣзда, Курской губ.

Редакторы: { Инспекторъ Семинаріи *Матвій Монастырьевъ.*
{ Преподаватель Семинаріи *Яковъ Павловскій.* (Врем.)
Дозволено цензурою. Екатеринославъ, 25 сентября 1894 г. Цензоръ, протоіерей *Петръ Катрановъ.*

СОДЕРЖАНИЕ: I. Очерки методики народной школы и II. Объявленія.

Печ. въ Типо-Литографіи ар. Либерманъ и Шакъ.